

**ТЕОРИЯ ЯЗЫКА.
ТЕОРИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ
КОММУНИКАЦИИ**

УДК 81.33

**В.А. Разумовская,
Н.В. Климович**

**Манипуляция при переводе
интертекстуальных элементов
в художественном тексте**

Статья посвящена интертекстуальным элементам, которые используются как эффективное средство манипулирования сознанием читателей и целенаправленного воздействия на их восприятие переведенного текста. Уделяется внимание одной из наиболее многочисленных групп интертекстуальных элементов, представленных в художественной литературе и являющихся регулярными единицами перевода, — библеизмов.

Ключевые слова: манипуляция; интертекстуальный элемент; библеизм; единица перевода.

Возникнувшее в предметном поле психологии понимание манипуляции как скрытого социального и личностного воздействия (манипулирования) достаточно быстро распространилось и на другие области гуманитарных знаний и человеческой деятельности — переговоры, рекламу, торговлю, средства массовой информации и т. д. Лексема «манипуляция» представляет собой некую метафору, которая формировалась постепенно и стала в итоге обозначать технологию управления поведением людей, программирование мнений и устремлений масс, их настроений и психического состояния с целью обеспечить поведение, которое нужно тем, кто владеет средствами манипуляции. К наиболее эффективным и универсальным инструментам манипулирования сознанием, несомненно, относится литература. При этом литературные тексты и прежде всего «сильные» тексты культуры — тексты с высоким эстетическим потенциалом, создающие информационный резонанс [8], — нередко продолжают свое существование во вторичных формах, среди которых важное место принадлежит переводам. Как следствие, на протяжении десятилетий как вид манипулятивного воздействия рассматривается переводческая манипуляция.

В художественном переводоведении манипуляция определяется как один из важнейших категориальных признаков, она предполагает интерпретацию оригинала в социальном, историческом и культурном контекстах в целях оказания воздействия на читателя. Принципы школы манипуляции в переводоведении (Г. Тури, Д. Холмс) имеют исходную литературоведческую природу, они основаны на концепции литературной полисистемы израильского лингвиста и культуролога И. Эвен-Зохара, восходящей к идеям русского формализма и пражского структурализма. Согласно данной концепции литература, как общее культурное пространство, имеет гетерогенную структуру и состоит из отдельных литературных систем, в каждой из которых существуют свои собственные правила. Крайне важно, что системы, входящие в состав общей литературной полисистемы, находятся в постоянном движении: каждая из них может стать лидирующей, и в то же время ни одна из них не может занимать главенствующую позицию в течение продолжительного времени [12].

Переводная литература также составляет отдельную систему в пространстве полисистемы культуры и соответственно полисистемы литературы языка перевода и наравне с другими системами культуры может занимать как центральную, так и периферийную позицию. Параметры процесса перевода и встраивания переведенного текста в другую культуру задаются базовыми моделями и условиями литературной полисистемы языка и культуры перевода. Такому пониманию освоения «чужого» литературного текста в принимающей культуре созвучны рассуждения Р.Р. Чайковского о явлениях неисчерпаемости художественного оригинала и переводной множественности. Он предлагает рассматривать существующие переводные варианты художественных текстов как некую «третью литературу», занимающую промежуточное место между иноязычной литературой (литературой переведенного оригинала, «чужой») и литературой языка перевода («своей») [10].

Обращение к вопросам художественного перевода с позиции теории полисистемы значительно изменило статус переводного текста, показав, что переводную литературу следует изучать наравне с литературой, созданной на языке перевода. Придание корпусу переводных текстов статуса полноценной системы выявило необходимость и важность одновременного изучения большого объема переводов, что, в свою очередь, дало толчок к развитию нового направления переводоведения — корпусного, предполагающего внедрение в методологическую базу переводоведения корпусных технологий.

Представители манипулятивной школы считают, что каждый текст перевода — результат манипуляции языком оригинала и культурой перевода. Данный вывод позволяет утверждать, что манипуляция в художественном переводе практически неизбежна. Так, практик и теоретик перевода из Латвии А. Дукатэ считает манипуляцию в переводе «переводческой трактовкой текста, результатом которой является адаптация текста для аудитории языка перевода, учитывающая культурные, идеологические, лингвистические и литературные различия между контактирующими культурами, которая происходит в определенном культурном

окружении и осуществляется человеком-посредником, с возможным влиянием личных или психологических факторов на конечный продукт»¹ [11]. Рассматривая манипуляцию в аспекте интенциональности переводчика (манифестации творческой личности в переводе), Н.Г. Корнаухова использует термин «версия» для обозначения перевода как результата особого языкового посредничества и дает характеристику различным версиям перевода, выделяя конверсивный, субверсивный, перверсивный, аверсивный и диверсивный виды манипуляции в переводе [6: с. 181].

Таким образом, в специальных исследованиях манипуляция практически единодушно трактуется как важнейшая обязательная категория художественного перевода, поскольку она тесно связана с множеством различий контактирующих в процессе переводов культур и прежде всего с различиями идеологического характера. В создаваемом вторичном тексте переводчик будет вынужден либо избегать, либо демонстрировать столкновение языковых и культурных параметров оригинала с доминирующими культурными нормами языка перевода.

По мнению А. Краминой, в предметном поле перевода существует два вида манипуляции. На первый вид влияют идеологические, экономические, социальные, политические и культурные факторы, такая манипуляция происходит сознательно и может быть определена как *сознательная*. Второй вид происходит вследствие низкого профессионального уровня переводчика, его незнания или даже неспособности правильно и полностью воспринять и декодировать информацию оригинала и может быть определен как манипуляция *бессознательная*, т. е. возникающая под сильным воздействием психологических факторов и являющаяся соответственно психологическим феноменом.

Переводчик, стремясь произвести текст, приемлемый для общества языка перевода, вынужден учитывать различные ограничения, обусловленные политическими и литературными структурами власти в данном обществе [13: р. 37]. Один из основателей манипулятивного переводоведения — А. Лефевр, называет два ограничения, влияющие на сознание переводчика, это: 1) собственная (сознательная или бессознательная) идеология и «поэтика», доминантная в культуре языка перевода; 2) комбинация литературных приемов, жанров, мотивов, прототипов героев, ситуаций и символов, а также понимание того, какую роль играет или должна играть литература в социальной системе [14].

Нельзя не согласиться с тем, что доминантная роль в определении переводческой политики, бесспорно, принадлежит идеологическим факторам. Так, в странах мира в различные исторические периоды некоторые художественные тексты не переводились вовсе или переводились в соответствии с определенными требованиями. Одним из ярких примеров может служить переводческая политика, проводившаяся в СССР и являвшаяся частью властного института советской цензуры — контроля советских и партийных органов над содержанием

¹ Здесь и далее перевод авторов статьи.

и распространением информации. Для осуществления цензуры печатных изданий в СССР в 1922 г. было создано Главное управление по делам литературы и издательств (Главлит), просуществовавшее до 1991 г. В результате крайне жесткого и тотального литературного контроля очень многие произведения иностранной литературы, не соответствующие официальной идеологии государства, считались вредными или нежелательными и, как следствие этого, не переводились либо переводились с множеством купюр и изменений текста оригинала.

С точки зрения манипулирования сознанием потенциального читателя текста перевода большой интерес представляет история русских переводов романа Д. Дефо «Робинзон Крузо», увидевшего свет в 1719 г. Известно, что первый перевод романа на русский язык был выполнен Я. Трусковым с французского перевода и опубликован в 1762–1764 гг. Ярким примером влияния идеологии на содержание переводного произведения является русскоязычная версия романа Д. Дефо, напечатанная в Ленинграде в издательстве «Прибой» уже при советской власти в 1925 г. Примечательно, что коммунистическая идеология нашла отражение и в названии вторичного текста русского перевода, в котором содержится прямое указание на целевую аудиторию читателей: «Робинзон Крузо. Новая переделка для рабоче-крестьянской молодежи». Очевидно, что изменение социально-возрастного адресата романа «ведет к переосмыслению классического текста, нарушает идентичность адресности, идущей от автора, снижает авторитетность текста» [5: с. 111]. Книга вышла под редакцией и с предисловием партийного и государственного деятеля в области социального воспитания детей З.И. Лилиной, которая, не изменяя текста произведения, снабжает каждую главу собственными аннотациями, направляющими восприятие и понимание романа в идеологически правильное русло. Манипуляция сознанием читателей данного перевода проходит непосредственно и эксплицитно.

Большого внимания в контексте проблем манипуляции заслуживает и другой русский перевод романа Д. Дефо. В вольной интерпретации (нередко называемой пересказом в подзаголовке издания), опубликованной в 1934 г., К. Чуковский значительно трансформировал образы героев художественного текста, написанного в начале XVIII в. Изменения коснулись прежде всего религиозного контекста романа, религиозно-философских размышлений главного героя, поскольку потенциальными читателями русскоязычного перевода были советские дети. И роман стал «книгой для детей». Если в оригинале главный герой напрямую ассоциируется с известным библейским образом блудного сына и адресован прежде всего читателю-христианину, то у К. Чуковского очевидная библейская интертекстуальность практически полностью утрачена. Переводчик подверг оригинал существенным сокращениям за счет опущения описаний духовных мук и исканий героя. У Д. Дефо возвращение героя домой — это прежде всего возвращение к Богу после многолетних поисков смысла жизни, а отношения Робинзона и Пятницы — история обращения аборигена в христианскую веру. Следует заметить, что

герой романа Д. Дефо без религиозных размышлений и исканий не мог бы быть героем третьей книги о Робинзоне Крузо — «*Serious Reflections of Robinson Crusoe*», которая до настоящего времени не переведена на русский язык. Можно заключить, что поскольку интертекстуальные элементы могут быть легко идентифицированы переводчиком в художественном оригинале, в случае их замены или опущения речь идет о сознательной манипуляции, произошедшей по причине идеологического влияния.

Понимание манипуляции как социально-психологического феномена, представляющего собой стремление изменить восприятие или поведение других людей, позволяет рассматривать данное явление в предметном поле перевода как вид психологического, социального воздействия, которое осуществляется скрытно и ставит своей задачей установить контроль над поведением адресата информации, лишить объект воздействия свободы выбора через изменение его представлений. Манипуляция в переводе, несомненно, интересна тем, что в большинстве случаев читатели не осознают, что они подвергаются манипуляции.

В данном исследовании манипуляция в переводе рассматривается на примере библейских интертекстуальных элементов. Анализируемые переводы свидетельствуют о сознательной идеологической манипуляции. Единицей перевода, относительно которой переводчик принимает решение на перевод, в данном случае выступают интертекстуальные элементы — *библейзмы*, понимаемые как слова и выражения, взятые автором из Библии и употребляемые в художественном оригинале. Исследуемые переводы произведений были сделаны в эпоху антирелигиозной кампании, в период которой религиозные ссылки и упоминания в художественной литературе были под запретом. Переводчики, стараясь избегать библейских элементов, должны были тем не менее осуществить эквивалентный и адекватный перевод оригинала, что соответствовало переводоведческой традиции и практике того времени.

Говоря о стратегиях перевода интертекстуальных элементов, необходимо учитывать, что сама культура интертекстуальна, и перевод является очевидным свидетельством связи между различными текстами одной или нескольких культур, важной формой межкультурной коммуникации. Передача в переводе любого интертекстуального элемента (в частности, библейзма) — «задача, бесспорно, сложная, так как требует от переводчика изучения различных слоев “ядерных” текстов принимающей и передающей культур наиболее энергетически сильных — как межкультурных и вневременных; текстов, общих для нескольких культур; и национально специфичных текстов» [7: с. 106]. Текст Библии, бесспорно, относится к сильным текстам мировой культуры, которые знакомы и значимы для большинства культур современного мира.

Библейзмы — универсальные интертекстуальные элементы, поскольку представлены как в русской, так и в англофонных культурах, выполняют идентичные функции в оригинальных и переводных произведениях. Библейзмы связаны

с передачей содержания Ветхого и Нового Завета и вызывают в памяти соответствующие ассоциации [9]. Таким образом, библеизмы могут быть переданы в переводе эквивалентными интертекстуальными элементами.

В анализируемых текстах — произведениях британских и американских авторов XIX – начала XX в. — были выявлены следующие способы перевода интертекстуальных элементов:

1. Опускание интертекстуального элемента: «What'd they get? *God knows* the lan' ain't no good. Nobody been able to make a crop for years» [2: p. 81]. «Что они еще получают? Земля истощена. У нас уже несколько лет плохие урожаи» [4: с. 55]. В приведенном отрывке междометие *God knows* проигнорировано переводчиком, что изменило экспрессивность художественного текста. Автор оригинала намеренно использует слова и выражения из Библии, показывая религиозность героев. В переводной версии данный аспект жизни главных героев произведения не представлен. Имеет место опускание единиц оригинала, имеющих культурные коннотации, данный прием является одной из форм манипуляции, искусной формой обмана, используемой для сокрытия истинной информации [15].

2. Замена интертекстуального элемента аналогом, не имеющим интертекстуальной связи с текстом Священного Писания: «She could not see why Mrs. Touchette should *make a scapegoat* of a woman who had really done no harm, who had only done good in the wrong way» [1: p. 271]. «Она отказывалась понимать, почему миссис Тачит *отыгрывается* на этой женщине, которая никому не сделала зла и даже делала много хорошего, хотя и дурными путями» [3: с. 227]. В данном отрывке фразеологическая единица *make a scapegoat of somebody* (сделать кого-то козлом отпущения) идентифицирована переводчиком, но в русском произведении сознательно заменена глаголом *отыгрывается*. Данный способ перевода интертекстуального элемента позволил передать его значение на семантическом уровне, но замена фразеологической единицы-библеизма глаголом изменила характер экспрессивности текста оригинала.

3. Антонимический перевод интертекстуального элемента библейского происхождения: «I remember a piece of poetry, this here guy wrote down. It was about him and an' a couple other guys goin' all over the world, drinkin' and raisin' hell and screwin' around. I wisht I could remember how that piece went. This guy had words in it that *Jesus H. Christ* wouldn't know what they meant» [2: p. 44]. «Одни его стихи я помню. Там так было: будто он и еще двое его приятелей разъезжают по всему свету, пьянствуют, дебоширят. Эх, жалость, всего не могу повторить! Он там таких длинных слов наворочал, сам *черт* не разберет!» [4: с. 13]. В данном отрывке библейская единица *Jesus H. Christ* переведена антонимичным наименованием *черт*. Этот способ позволяет сохранить интертекстуальный характер художественных текстов, но изменяет коннотацию перевода. Таким образом, идентифицировав интертекстуальный элемент в тексте оригинала, переводчик под влиянием идеологии передал его посредством негативного аналога, что изменило экспрессивное содержание высказывания главного героя произведения и, как следствие, восприятие текста читателем русскоязычного произведения.

4. Замена слов и выражений из Библии частицами: «Tom laughed. “By God, if he lives to be two hundred you never will get Grampa house broke,” he said. “You’re all set on goin’, ain’t you Grampa?”» [2: p. 118]. «Том засмеялся. — Да такой хоть до ста лет доживет, его все равно не обуздаешь, — сказал он. — Значит, в путь-дорогу, дед?» [4: с. 97]. В данном случае междометие *by God* из текста оригинала передано в переводе частицей да. Представленный способ перевода интертекстуального элемента изменяет семантику и экспрессивность перевода по сравнению с оригиналом.

Можно заключить, что в переводах указанных ранее произведений имеет место сознательная манипуляция — переводчики избегают использования интертекстуальных элементов из Библии, заменяя их полностью или изменяя коннотацию интертекстуального элемента. В большинстве случаев (замена или изменение коннотации) интертекстуальный элемент идентифицируется переводчиком, но не переводится соответствующим библеизмом. Данные способы перевода приводят к полной или частичной утрате интертекстуальности. При этом, согласно исследованиям Г.К. Саймона, делается ставка на наивность объекта манипуляции: жертве манипуляции трудно согласиться с идеей, что некоторые люди хитры, нечестны и безжалостны, что ею манипулируют [15]. Не имея возможности прочитать художественное произведение на языке оригинала, читатели искренне верят, что воспринимают эквивалентные переводы британских и американских авторов.

Таким образом, с учетом того, что переводы анализируемых произведений британской и американской литературы конца XIX – начала XX в. были выполнены при советской власти, когда существовавшая идеология не допускала никакой связи с религией, переводчик, идентифицировав интертекстуальный элемент в оригинале, по идеологическим, политическим и социальным причинам пытался соответствовать требованиям эпохи в силу особенностей экстралингвистической ситуации. Заметим, что большинство произведений, переведенных в тот период, по-прежнему еще без изменений переиздаются для современных читателей. Искаженная передача библеизмов оригинала в переводах или их купирование изменяет информационный потенциал вторичного художественного текста и снижает его экспрессивность, что является бесспорной переводческой потерей и имеет своим результатом манипулирование сознанием читателей переводов.

Библиографический список

Источники

1. James H. The Portrait of a Lady. London: Marshall Cavendish Ltd., 1987. 576 p.
2. Stainbeck J. The Grapes of Wrath. M.: Progress Publishers, 1978. 530 p.
3. Джеймс Г. Женский портрет / пер. с англ. М.А. Шерешевской, Л.Е. Поляковой. М.: Наука, 1984. 589 с.
4. Стейнбек Д. Гроздь гнева / пер. с англ. Н. Волжиной // Стейнбек Д. Собр. соч.: в 6 т. Т. III. М.: Правда, 1989. С. 5–480.

Литература

5. Викулова Л.Г. К проблеме понимания классики, или Как издатели отчуждают текст от автора // Понимание в коммуникации. Т. 1. М.: МГПУ. 2009. С. 109–115.
6. Корнаухова Н.Г. Перевод VS. Версия: виды манипуляции в художественном переводе // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. Сер. «Филология». 2011. № 2 (14). С. 176–184.
7. Кузьмина Н.А. Феномен художественного перевода в свете теории интертекста // Текст. Интертекст. Культура: сб. докл. Междунар. науч. конф. (Москва, 4–7 апреля 2001 г.) / Рос. академия наук. Ин-т рус. языка им. В.В. Виноградова. М.: Азбуковник, 2001. С. 97–111.
8. Разумовская В.А. «Сильные» тексты культуры и центры переводческой аттракции // Журнал Сибирского федерального университета. Сер. «Гуманитарные науки». 2014. № 7 (5). С. 834–847.
9. Хухуни Г.Т., Осипова А.А. Понятие «библейский язык» как переводческая проблема // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2014. № 1 (13). С. 47–53.
10. Чайковский П.П. Реальности поэтического перевода (типологические и социологические аспекты). Магадан: Кордис, 1997. 197 с.
11. Dukate A. Manipulation as a Specific Phenomenon in Translation and Interpreting. Riga: University of Latvia, 2007. 212 p.
12. Even-Zohar I. The position of Translated Literature within the Literary Polysystem // Literature and Translation: New Perspectives in Literary Studies. Leuven: Acco, 1978. P. 117–127.
13. Kramina A. Translation as Manipulation: Causes and Consequences, Opinions and Attitudes // Studies about Languages. 2004. № 6. P. 37–41.
14. Lefevere A. Translation, Rewriting and Manipulation of Literary Fame. London; New York: Routledge, 1992. 170 p.
15. Simon G.K. In Sheep's Clothing: Understanding and Dealing with Manipulative People. Little Rock: A.J. Christopher & Co, 1996. 122 p.

References

Istochniki

1. James H. The Portrait of a Lady. London: Marshall Cavendish Ltd., 1987. 576 p.
2. Stainbeck J. The Grapes of Wrath. M.: Progress Publishers, 1978. 530 p.
3. Dzhejms G. Zhenskij portret / per. s angl. M.A. Shereshevskoj, L.E. Polyakovoj. M.: Nauka, 1984. 589 s.
4. Stejnbek D. Grozd'ya gneva / per. s angl. N. Volzhinoj // Stejnbek D. Sobr. soch.: v 6 t. T. III. M.: Pravda, 1989. S. 5–480.

Literatura

5. Vikulova L.G. K probleme ponimaniya klassiki, ili Kak izdateli otchuzhdaut tekst ot avtora // Ponimanie v kommunikacii. T. 1. M.: MGPU. 2009. S. 109–115.
6. Kornauxova N.G. Perevod VS. Versiya: vidy' manipulyacii v xudozhestvennom perevode // Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Ser. «Filologiya». 2011. № 2 (14). S. 176–184.

7. *Kuz'mina N.A.* Fenomen xudozhestvennogo perevoda v svete teorii interteksta // *Tekst. Intertekst. Kul'tura: sb. dokl. Mezhdunar. nauch. konf. (Moskva, 4–7 aprelya 2001 g.) / Ros. akademiya nauk. In-t rus. yazy'ka im. V.V. Vinogradova. M.: Azbukovnik, 2001. S. 97–111.*
8. *Razumovskaya V.A.* «Sil'ny'e» teksty' kul'tury' i centry' perevodcheskoj attrakcii // *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Ser. «Gumanitarny'e nauki». 2014. № 7 (5). S. 834–847.*
9. *Xuxuni G.T., Osipova A.A.* Ponyatie «bibleiskii yazy'k» kak perevodcheskaya problema // *Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2014. № 1 (13). S. 47–53.*
10. *Chajkovskij R.R.* Real'nosti poe'ticheskogo perevoda (tipologicheskie i sociologicheskie aspekty'). *Magadan: Kordis, 1997. 197 s.*
11. *Dukate A.* Manipulation as a Specific Phenomenon in Translation and Interpreting. *Riga: University of Latvia, 2007. 212 p.*
12. *Even-Zohar I.* The position of Translated Literature within the Literary Polysystem // *Literature and Translation: New Perspectives in Literary Studies. Leuven: Acco, 1978. P. 117–127.*
13. *Kramina A.* Translation as Manipulation: Causes and Consequences, Opinions and Attitudes // *Studies about Languages. 2004. № 6. P. 37–41.*
14. *Lefevere A.* Translation, Rewriting and Manipulation of Literary Fame. *London; New York: Routledge, 1992. 170 p.*
15. *Simon G.K.* In Sheep's Clothing: Understanding and Dealing with Manipulative People. *Little Rock: A.J. Christopher & Co, 1996. 122 p.*

*V.A. Razumovskaya,
N.V. Klimovich*

Manipulation in Translation of Intertextual Elements in a Literary Text

The paper considers the intertextual elements used as an effective means of manipulation of readers' consciousness and a purposeful influence on their perception of a translated text. Biblicisms, being one of the most numerous groups of intertextual elements presented in the literary texts and regular units of translation are in the focus of attention.

Keywords: manipulation; intertextual element; biblicism; translation unit.